УДК 327(57) + 327(510) + 314.7.044

А. Н. Совкова

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ И РЕСУРСНЫЙ АСПЕКТЫ СОВРЕМЕННЫХ РОССИЙСКО-КИТАЙСКИХ ОТНОШЕНИЙ В СИБИРИ

Рассмотрены демографический и ресурсный аспекты современных отношений России и Китая в Сибири. При низкой плотности заселенности Сибири и высокой численности населения в Китае миграция китайского населения в Сибирь представляется естественным демографическим процессом. В обозримом будущем рост численности населения в России не поднимется до уровня простого возобновления поколений, возникнет дефицит трудовых ресурсов, единственным способом восполнения которого станет миграция. Учитывая высокие темпы экономического роста КНР и нехватку в ней энергетических ресурсов, Россия является стратегическим партнером Китая в области поставки энергетических ресурсов. Национальные интересы России и Китая в Сибири не противоречат друг другу, что является базой для дальнейшего развития двусторонних региональных отношений.

К л ю ч е в ы е с л о в а: Сибирь, региональное сотрудничество, миграционные процессы, энергоресурсы, нефтепровод Восточная Сибирь — Тихий океан.

В последние десятилетия Китай из развивающейся страны превратился в одну из держав, оказывающих существенное влияние на развитие мирового политического процесса. В борьбе за мировые рынки Китай использует максимально широкий набор средств и методов — как экономических, так и политических. В данной статье анализируется политика Китая в отношении российских регионов Сибири и Дальнего Востока. По нашему мнению, эти регионы представляют большой интерес для КНР: с одной стороны, это огромные незаселенные пространства, с другой — богатый источник сырья (прежде всего углеводородного).

Перенаселенность на сегодняшний день является одной из основных внутренних проблем КНР. Несмотря на целенаправленно проводимую китайским правительством политику по контролю рождаемости, население КНР продолжает увеличиваться. Сибирь же заселена слабо и крайне неравномерно. В таких условиях неизбежен рост миграции китайского населения в Россию. «Ситуация на российско-китайской границе стала серьезным геополитическим фактором, значение которого стремительно возрастает и выходит далеко за региональные рамки. Ситуация остра в политическом и социальном отношениях, чревата этническими трениями, сложностями адаптации, требует выработки политики взаимодействия и сотрудничества с Китаем... чтобы... предотвратить формирование здесь новой конфликтной зоны» [2, *80–120*].

Проблема «демографического дисбаланса» (именно такое определение в научной литературе дано демографической ситуации на российско-китайской границе) широко обсуждается современными учеными и политиками. Показатели численности и плотности населения на Дальнем Востоке России и в северо-восточных провинциях Китая позволяют предположить, что отток населе-

© Совкова А. Н., 2010

ния из Китая в слабозаселенные регионы России не только поможет частично решить проблему перенаселенности Китая, но и соответствует «территориальному мировоззрению» КНР, согласно которому некоторая часть российской территории в Зауралье исторически принадлежит Китаю. Мао Цзэдун в 1964 г. поднял вопрос о неравноправных договорах между Россией и Китаем и заявил о территориальных претензиях к СССР на площадь 1,5 млн кв. км, что послужило причиной конфликта на Даманском полуострове в 1969 г. В 1989 г. Дэн Сяопин в переговорах с М. С. Горбачевым о нормализации отношений предложил «забыть прошлое и начать будущее», а в 2001 г. Цзян Цзэминь в договоре «О дружбе» с Россией ввел термин «добрососедство» и указал на отсутствие территориальных претензий. Тем не менее определенные территориальные претензии к России по-прежнему существуют в современном Китае.

Население Дальнего Востока — 6,8 млн человек [13] (8 млн с учетом жителей Забайкальского края), а в северо-восточных провинциях Китая проживает более 100 млн человек. При этом плотность населения в первом случае 1,2 человека на 1 кв. км, а во втором — 124,4 [6, *16*]. Необходимо отметить, что некоторые специалисты считают эти цифры некорректными. Так, Герман Дудченко в статье «Китай и Дальний Восток России: к вопросу о демографическом дисбалансе» пишет: «...почему при расчете сопоставляемой плотности населения “со стороны” Дальнего Востока России берется весь Дальневосточный федеральный округ, включая удаленные от Китая Якутию, Чукотку, Камчатку, Магаданскую область, а не территории его только южных, более заселенных и непосредственно пограничных с Китаем субъектов РФ? В этом случае превосходство Китая уменьшилось бы почти в три раза, было бы уже не стократным, а тридцатипятикратным. Если же с “китайской стороны” сходным образом не принимать в расчет провинцию Ляонин как не граничащую непосредственно с Россией, то соотношение плотностей станет еще меньше — 1: 26,5» [5, *143*].

Кроме того, если оценить ситуацию объективно, то на китайской и российской территориях в расселении прослеживается единая закономерность: плотность населения в Центральном Китае, приморских провинциях и вдоль крупнейших рек — Хуанхэ и Янцзы — гораздо выше, чем на севере, а Синьцзян-Уйгурский автономный округ и Тибет вообще практически не заселены; та же ситуация и в России — только 1/3 населения проживает в Сибири и на Дальнем Востоке.

Вывод о том, что демографическое давление на границу становится угрожающим, не подтверждается и при сравнении ситуации в Приморском крае и провинции Хейлунцзян. В провинции Хейлунцзян основная часть населения проживает в центральных районах, вдоль реки Сунгари. Плотность населения в приграничных районах провинции, в частности, в тех из них, которые непосредственно граничат с Приморским краем, невысока и сравнима с плотностью населения на прилегающей российской территории [10].

Однако, на наш взгляд, при оценке демографической ситуации на российско-китайской границе необходимо учитывать и еще один фактор — безработицу в Китае. По официально установленным данным, безработица в КНР составляет 130 млн человек, что уже фактически равно всему населению России. Скрытая

безработица в городах оценивается в 15–20 %, а безработица в Северо-Восточном Китае — в 7–8 млн человек [11]. Однако официальные данные подвергаются сомнению даже в самом Китае: считается, что они значительно занижены. Северные районы Китая, в том числе и граничащие с Россией, традиционно менее развиты в социально-экономическом плане, чем южные, приморские районы. Можно предположить, что рабочие места, которых в России сравнительно больше, чем в Китае, являются важным мотивирующим фактором миграции китайских рабочих в Россию.

Несоответствие между численностью населения и естественным природно-ресурсным потенциалом, что констатируют многие китаеведы, объективно обусловливает интенсивную экспансию китайцев во всех направлениях. Однако возможности их дальнейшей экспансии в Юго-Восточную Азию ограничены из-за перенаселенности этого региона и еще более высоких, чем в Китае, темпов прироста населения. Все эти факторы создают жесткую конкуренцию на рынке труда. В России же китайская миграция не встречается с подобными трудностями. Отсюда вытекает неизбежность китайской миграции в Россию. Более того, учитывая, что тенденции оттока населения с Дальнего Востока и из Восточной Сибири сохраняются, миграция протекает на неблагоприятном для России демографическом фоне. В свое время основным преимуществом Российской империи перед Китаем в освоении сибирских и дальневосточных земель было то, что эти земли осваивались русскими землепашцами и промышленниками и поэтому де-факто принадлежали России. Сейчас же складывается противоположная ситуация.

На фоне убыли населения России не обойтись без привлечения иностранной рабочей силы. С такой ситуацией уже столкнулись многие европейские государства. Демографы единодушны в том, что в обозримом будущем численность населения в России не поднимется даже до уровня простого возобновления поколений. А это означает, что единственным способом восполнения дефицита труда станет миграция.

Миграционный потенциал русскоязычного населения стран СНГ оценивается в 4–5 млн человек [3, *99*]. Кроме того, довольно высока миграция в Россию из стран Африки, Ближнего Востока, Афганистана. Хотя перечисленные источники важны, их ресурсов недостаточно, и в таких условиях Китай получает преимущество: Россия в будущем сама будет нуждаться в китайских мигрантах. Более того, большинство мигрантов некитайского происхождения предпочитают регионы, расположенные в европейской части России. Для мигрантов из Китая предпочтительными остаются регионы Сибири и Дальнего Востока: они расположены недалеко от КНР, а их природные условия привычны для жителей Северо-Восточного Китая.

Поскольку остановить миграцию граждан КНР в Сибирь и на Дальний Восток не представляется возможным, нужно сделать этот аспект взаимодействия с КНР максимально прозрачным, разработать четкую и жесткую базу для правового регулирования миграции. Таким образом Россия сможет избежать угрозы «китаизации» Сибири и использовать китайскую миграцию в интересах экономического развития региона.

Еще одним ключевым аспектом взаимодействия России и Китая в Сибири и на Дальнем Востоке сегодня является экономическое сотрудничество в области экспорта энергоресурсов.

Китайская Народная Республика ежегодно нуждается в больших объемах нефти. Если в 1980 г. Китай использовал 3 % общемирового потребления нефти, менее 1 % газа и 17 % угля, то в 2004-м эти показатели составляли уже 8,2, 1,5 и 34,4 % соответственно [9]. Сегодня КНР по количеству потребляемых углеводородов находится на втором месте в мире после США. При этом потребность КНР в углеводородном сырье из года в год увеличивается, и эта тенденция, по оценкам экспертов, сохранится в ближайшие десятилетия. По прогнозам Министерства энергетики США, к 2025 г. потребление нефти в Китае достигнет 12,8 млн баррелей в день, суммарный импорт возрастет до 70 % от потребления [12]. Вместе с тем Китай сегодня проводит политику диверсификации поставщиков нефти и очень заинтересован в сотрудничестве в этой области с Россией: РФ не только находится в непосредственной близости от Китая, но и зарекомендовала себя как надежный поставщик энергоресурсов.

Основной продукт экспорта Российской Федерации — нефть, газ и продукты их переработки. Сибирь и Дальний Восток располагают значительными энергетическими ресурсами. Однако в основном природные богатства российского Востока экспортируются в страны Европы, в то время как доля стран АТР в экспорте российской нефти составляет лишь около 3 % [4, *15*].

Ввиду сложившейся ситуации очевидно, что интерес Китая к России как экспортеру нефти и российскому Востоку как к географически наиболее близкой к Китаю территории, богатой углеводородным сырьем, будет возрастать. Россия, в силу стагнации экономики Дальнего Востока, социально-экономических проблем региона, оттока населения и т. п., не менее заинтересована в долгосрочном партнерстве с КНР: «...энергетические интересы России в Сибири и на Дальнем Востоке заключаются в максимально активном и открытом региональном рынке нефти и газа, многовариантности экспортных траекторий и, что не менее важно, многоканальности инвестиционных потоков на разработку сибирских месторождений» [7, *695*].

Сегодня российская нефть поставляется в Китай железнодорожным транспортом. Идея строительства Восточного нефтепровода возникла в конце XX в. Первоначальный проект был предложен компанией «ЮКОС»: в нем речь шла только о строительстве экспортного нефтепровода в Китай. 17 июля 2001 г. премьер-министр России Михаил Касьянов и председатель КНР Цзян Цзэминь подписали соглашение «Об основных принципах разработки ТЭО нефтепровода Россия — Китай», после чего началась борьба между Китаем и Японией как крупнейшими в Северо-Восточной Азии потребителями нефти — обе стороны стремились пролоббировать оптимальный для себя маршрут нефтепровода.

Разработка проекта и строительство нефтепровода Восточная Сибирь — Тихий океан осуществляются на основании распоряжения Правительства Российской Федерации от 31 декабря 2004 г. № 1737-р [13]. В Энергетической стратегии России до 2020 года зафиксировано предложение о строительстве

«нефтепроводной системы Ангарск — Находка с ответвлением на Китай (г. Дацин)» [1]. Однако по экологическим причинам этот проект был признан неприемлемым.

В 2004 г. Министерством природных ресурсов РФ было одобрено другое предложение — о строительстве нефтепровода из Тайшета через Ангарск, Казачинское, Тынду и Сковородино к бухте Перевозная близ Находки, хотя и этот проект вызвал немало споров: бухта Перевозная не может стать конечной точкой Восточного нефтепровода по причине того, что не может принимать глубоководные суда. Тем не менее 28 апреля 2006 г. строительство нефтепровода началось. Следующим шагом может стать строительство ответвления от этой линии в Китай, которое, однако, вызывает немало сомнений у китайских экологов: 95 % нефтепровода будет проходить по китайской территории через технически сложный и экологически уязвимый район хребта Большой Хинган, где находится единственный в Китае естественный лесной массив.

На сегодняшний день в отношении нефтепровода Восточная Сибирь — Тихий океан и ответвления на Китай между РФ и КНР достигнуто следующее соглашение: каждая из сторон будет строить нефтепровод на своей территории самостоятельно, однако Китай готов предоставить России кредит в 10–15 млрд долл. на завершение проекта [14].

Еще одним камнем преткновения в вопросе строительства нефтепровода служит жесткое требование Китая: маршрут должен быть проложен таким образом, чтобы большая часть российской нефти служила нуждам китайской экономики. Разделяя точку зрения Г. Чуфрина, мы считаем, что, несмотря на все плюсы сотрудничества с КНР, подобный вариант в корне противоречит национальным интересам России: «...односторонняя ориентация на китайский рынок может поставить Россию в жесткую зависимость от складывающейся на нем конъюнктуры, а то и сделает заложницей возможных политических изменений в двусторонних российско-китайских отношениях» [8, *27*].

Учитывая увеличивающуюся потребность КНР в нефти и интерес к России как к поставщику этого вида ресурсов, России более выгодно предложить Китаю вложить средства в строительство на территории Сибири нефтеперерабатывающих заводов, продукция которых будет экспортироваться по большей части в Китай. С нашей точки зрения, такое сотрудничество между Россией и Китаем будет носить взаимовыгодный характер: при строительстве нефтеперерабатывающих заводов на территории Сибири будет привлечена по большей части китайская рабочая сила (что соответствует интересам КНР), Китай получит гарантированные поставки определенного количества нефтепродуктов; Россия, в свою очередь, сможет создать рабочие места в Сибири, развить инфраструктуру и в целом придать импульс развитию экономики этого региона.

Поставки не сырой нефти, а нефтепродуктов вполне соответствуют интересам КНР: во-первых, в связи с высокой плотностью китайского населения и высокой концентрацией производства возникла необходимость часть производства вынести за пределы территории КНР; во-вторых, учитывая растущую потребность Китая в нефтепродуктах и непосредственную близость Сибири, именно в Сибири наиболее выгодно для Китая разместить нефтеперерабатыва-

ющие заводы. Более того, поскольку КНР будет вынуждена закупать и перерабатывать все большие объемы нефти, а Сибирь богата этим видом сырья, мы считаем, что строительство нефтеперерабатывающих предприятий в Сибири и для Китая, и для России будет наиболее выгодным вариантом.

Китайская Народная Республика и Российская Федерация — крупнейшие державы, протяженность общей границы которых составляет 3645 км [13]. Привлечение возможностей Китая для развития Сибири и Дальнего Востока будет способствовать ускорению темпов социально-экономического развития этих регионов, частично решит проблему демографического дисбаланса, а для Китая — проблему нехватки энергетических ресурсов. Таким образом, сотрудничество России и Китая в Сибири по обозначенным выше направлениям имеет большие перспективы, носит взаимовыгодный характер и соответствует национальным интересам обеих держав.

---

1. Энергетическая стратегия России до 2020 года. М., 2009.

2. *Витковская Г., Зайончковская Ж.* Новая Столыпинская политика на Дальнем Востоке России: надежды и реалии // Перспективы Дальневосточного региона: межстрановые взаимодействия. М., 1999.

3. *Витковская Г.* Миграционное поведение нетитульного населения в странах Центральной Азии // Миграция русскоязычного населения из стран Центральной Азии: причины, последствия, перспективы. М., 1996.

4. *Галичанин Е. Н.* Восточные энергетические проекты России и международное сотрудничество // Энергетические измерения международных отношений и безопасности в Восточной Азии. М., 2007.

5. *Дудченко Г.* Китай и Дальний Восток России: к вопросу о демографическом дисбалансе // Вестник Евразии. 2002. № 3.

6. *Мотрич Е.* Население Дальнего Востока и стран СВА: современное состояние и перспективы развития // Перспективы Дальневосточного региона: население, миграция, рынки труда.

7. *Труш С. М.* Нефтяная стратегия КНР: геополитическое измерение // Энергетические измерения международных отношений и безопасности в Восточной Азии. М., 2007.

8. *Чуфрин Г.* Экономические интересы России в Северо-Восточной Азии // Рос. эксперт. обозрение. 2003. № 5.

9. BP. Statistical Rev. of World Energy. L., 2005.

10. 黑龙江地图集, 哈尔滨 , 1999年

11. 中国新增失业人数再估计, 2009年

12. www.eia.doe.gov

13. http://ru.wikipedia.org

14. www.vstoneft.ru

Рукопись поступила в редакцию 26 марта 2010 г.